

ТЕКСТ В КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Е. С. Никитина

Институт языкознания РАН, г. Москва
сектор психолингвистики

Обращение к Другому как духовному существу – то новое, что несёт в себе коммуникативная парадигма в анализе социальных взаимодействий. Текст в коммуникативной парадигме есть субъект. Многослойный и семиотически неоднородный он способен вступать в диалогические отношения не только с другими текстами, но и с самим собой. Читатель есть посредник в творении текста как самовозрастающего логоса.

Ключевые слова: *текст, диалогические отношения, полиструктурность текста, читатель, автор, чудо*

Когда мы приходим в этот мир, он уже означен, оговорён, сотворён другими. Нам приходится реконструировать то, что было до нас, чтобы как-то включиться в общий поток сознания. Механизмом подключения к этому потоку является диалог. Доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, согласие, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивания смысла на смысл, голоса на голос, усиление путём слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т.п. – эти отношения не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим или каким-либо другим природным отношениям. «Это особый тип *смысловых* отношений, членами которых могут быть только *целые высказывания* (или рассматриваемые как целые, или потенциально целые), за которыми стоят (и в которых *выражают* себя) реальные или потенциальные речевые субъекты, авторы данных высказываний» [1, с. 303].

Осмысленность человеческой деятельности превращает текст в первичную данность и исходную точку гуманитарной науки. Не безгласная вещь, а человек, выражающий себя в слове, становится здесь объектом исследования. С рождения и до смерти, а иногда и после неё (завещания, могильные надписи, книги и т.п.) человек включён в мир слов и текстов. Более того, он предстаёт как бы абонентом, подключённым к большой сети, и в этом смысле

не суверенным в принципе, а лишь проговаривающим тексты, ранее сложившиеся в истории.

Текст как субъект. М. М. Бахтин указывал на три типа отношений в культуре. Это, во-первых, отношения между объектами: между вещами, между физическими явлениями, химическими явлениями, причинные отношения, математические отношения, логические отношения, лингвистические отношения и др. Поведенческие отношения проявляются там, где человек ведёт себя по заранее установленным правилам, ритуалам, сообразуя своё поведение с законами природы и общества.

Во-вторых, это отношение между субъектом и объектом. Другими словами, это деятельностные отношения, внутри которых коммуникативные взаимодействия выполняют вспомогательную роль. И, в-третьих, отношения между субъектами – личностные, персоналистические отношения: диалогические отношения между высказываниями, этические отношения, эстетические и др. Сюда относятся и всякие персонифицированные смысловые связи. Отношения между сознаниями, правдами, взаимовлияния, ученичество, любовь, ненависть, ложь, дружба, уважение, благоговение, доверие и т.п. [1, с. 342–343].

Однако если отношения деперсонифицированы (между высказываниями и стилями при лингвистическом подходе), то они переходят в первый тип. С другой стороны, возможна персонификация многих объектных отношений и переход их в третий тип. Овеществление и персонификация есть две взаимобратные процедуры.

«Переходы и смешения трёх типов отношений. Например, литературовед спорит (полемизирует) с автором или героем и одновременно объясняет его как сплошь каузально детерминированного (социально, психологически, биологически). Обе точки зрения оправданы, но в определённых, методологически осознанных границах и без смешения. Нельзя запретить врачу работать над трупами на том основании, что он должен лечить не мёртвых, а живых людей. Умерщвляющий анализ совершенно оправдан в своих границах. Чем лучше человек понимает свою детерминированность (свою вещьность), тем ближе он к пониманию и осуществлению своей истинной свободы» [1, с. 343].

Диалогические отношения. Текст как предмет анализа может рассматриваться под тремя углами зрения: как отражение объектных отношений в мире (и тогда к нему применим естественнонаучный, в том числе и лингвистический метод анализа), как орудие или средство взаимодействия и воздействия на других (это деятельностный, инструментальный подход) и как субъект порождения новых смыслов (это диалогический или коммуникативный подход, который формировался внутри семиотической парадигмы познания).

В коммуникативной парадигме текст есть субъект. Последнее утверждение позволяет вступать с текстом в диалогические отношения. Этот тип отношений до сих пор изучен слабо. Не раскрыта особая, диалогическая при-

рода взаимоотношения смысловых целых, смысловых позиций, поскольку познание здесь направлено на индивидуальное. Это – область открытий, открытий, узнаваний, сообщений. Важным моментом диалогической позиции является тот факт, что активность человека может получить развитие лишь в условиях взаимоотношений с другими людьми, построенных по принципу диалога. Слово хочет быть услышанным, понятым, ответственным и снова отвечать на ответ, и так до бесконечности. Оно вступает в диалог, который не имеет *смыслового* конца, хотя для того или иного участника может быть физически оборван [1, с. 303–306].

Субъектная определённость текста. Диалог налагает на текст некоторые обязательства и обеспечивает участие в жизни, расширяя область самой жизни. «...Поскольку нарративный универсум добавляет некоторое количество персонажей, качеств и событий к реальному универсуму (выступающему в качестве его фона), можно предположить, что он объёмнее, чем наш эмпирический мир. В этом смысле нарративный универсум не прекращает своего существования в последней строке текста, но расширяется до бесконечности» [7, с. 158].

Проявляя интеллектуальные свойства: память, мышление, информацию, чувства, текст перестаёт быть лишь посредником в коммуникации, но становится равноправным собеседником, обладающим высокой степенью автономности. Исследование текста становится спрашиванием и беседой, т.е. диалогом. Диалог – это текст в лицах. Но и сам текст есть конструкт диалогический. Чтобы порождать смысл, три базовых подструктуры текста должны находиться в диалоге (смысловой согласованности) между собой.

Представление текста в качестве диалогического образования стало возможным при семиотическом подходе к его анализу. В свете семиотики культуры текст рассматривается как многослойное и семиотически неоднородное, дважды закодированное образование: сначала как высказывание, потом как произведение. Как генератор смысла текст принципиально гетерогенен и гетероструктурен. Ещё со времён классической риторики в тексте были выделены три слоя – слой предметный, слой логический и слой языковой. Каждый имел относительную самостоятельность, позволяющую ему быть предметом анализа в разделах риторического канона. Предметный слой анализировался в разделе инвенции, понятийный слой в разделе диспозиции и языковой слой в разделе элокуции. Вместе они обслуживали оформление текста в заданную функциональную структуру диалогического взаимодействия.

Модель риторического канона воплотилась и в трёх уровнях понимания текста, в трёх смыслах, извлекаемых из него с помощью процедур понимания. Так, Ориген сформулировал и подробно обосновал теорию трёх «слов». Суть его учения сводится к утверждению, что по аналогии с трёхчастным составом человека, представляющего собою единство «тела», «души» и «духа», в Писании можно усмотреть «телесный», «душевный» и «духовный»

смысл. А коль скоро процесс духовного совершенствования человека и человечества может мыслиться как постепенное преодоление материального начала и достижение «духовного» состояния, то, соответственно, и раскрытие подлинного смысла Писания должно подразумевать последовательный переход от «телесного» смысла к более возвышенному «душевному», а затем – к «духовному». При этом Ориген уточнял, что под «телом» Писания следует понимать его «букву», т.е. прямой и буквальный смысл сказанного в Библии, что «душевный» смысл – это нравственные наставления, содержащиеся в Писании, но возвещаемые не в прямой и самоочевидной форме, а как бы обиняком, через подразумеваемое и потому требующие отступления от плоского «буквального» понимания текста. И наконец, что «духовный» смысл Писания – это высший, мистический смысл христианского вероучения [4]. Впоследствии это разделение было перенесено и на другие, в том числе светские тексты.

Способы понимания, прочтения текста. Перефразируя М. М. Бахтина, скажем, что схема «пишущий – читающий» есть фикция целостного процесса речевого творчества. Любой автор был и есть читатель чужих и своих творений. Мир, который он воссоздаёт, дан ему в многообразии языков и чувств. Задача автора, как и оратора, привлечь читателей, чтобы поведать своё, как ему кажется, уникальное видение мира. А читатель присутствует в создаваемом тексте как слушатель в произносимой речи. Представление о читателе, его потенциальных и реальных возможностях понимания автора, структурирует текст. Есть тексты для информации, которые можно читать с любого места. Есть тексты для возбуждения определённых эмоций и их нужно смотреть только в заданных рамках, а всё, что между этими рамками, есть лишь отвлечение внимания. Есть тексты для отдыха и для учёбы, а есть для душевной или духовной работы. Только пара «читатель – автор», как и «слушатель – оратор» у Аристотеля, задаёт пространство, ритм и качество произведения.

В межсубъектных отношениях текст определяется через такие понятия, как конкретность (имя), целостность, ответственность, неисчерпаемость, незавершённость, открытость. Сама жизнь текста протекает в межсубъектном пространстве его читателей. Поэтому в диалоге «читатель – текст – читатель» человек освобождается от того представления, что именно он является мерой жизни.

Типы читателей, способы ведения диалога. Аристотель выделил три базовых типа слушателей, три рода дискурсов и три рода целей: истину, добро и красоту. В эпоху повальной письменности слушатели стали читателями, однако доминирующие цели у них не изменились. Более того, эти три типа читателей соответствуют и трём типам понимания текста вне зависимости от его жанровой принадлежности.

Первый тип – простой читатель, для которого текст есть способ заполнения свободного времени. Для него творит Тригорин из пьесы А. П. Чехова «Чайка»:

«Нина. Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом.

Тригорин. Каким успехом? Я никогда не нравился себе. Я не люблю себя как писателя. Хуже всего, что я в каком-то чаду и часто не понимаю, что я пишу... Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь ещё гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и прочее и прочее, и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука всё уходят вперёд и вперёд, а я всё отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд, и, в конце концов, чувствую, что я умею писать только пейзаж, а во всём остальном я фальшив, и фальшив до мозга костей» [6].

Второй тип – читатель-моралист, строгий судья «правильного и не правильного, не справедливого» в мире текста. Критик первого читателя текста (автора). Вот пример из современной литературы:

«Тожже вот есть странная одна история, начинающая весьма и весьма обыденно:

“Жили-были дед да баба”.

<...>

Это отлично! Всё идёт как по маслу: дед и баба – живут, курочка – имеется, яичко – несётся... сама жизнь дышит в бесхитростном этом повествовании. Правда, следующий факт немножко беспокоит – я имею в виду:

“Яичко не простое – золотое”.

Неожиданно, но что ж делать: идеализирует народ свою жизнь!.. Всегда, кстати, этим и отличался, – стало быть, примем золотое яичко как допущение. Предположим: и такое, дескать, тожже бывает. Но тогда уж будем помнить: яичко у нас золотое, а не простое, так что... И тут (с этого прямо места!) – история вдруг начинает развиваться довольно дико. Действия персонажей становятся почему-то совершенно немотивированными. Судите сами:

“Дед бил, бил...”

Вопрос: зачем? Зачем дед “бил” яичко, и не просто “бил”, а “бил, бил!” – многократно и, видимо, тупо... с тупым, как говорится, равнодушием! Яичко-то золотое, это же очевидно! И дед, вроде бы, должен был его таким и считать – во всяком случае, нам ничего не сообщено о том, что дед мог заблуждаться. Да и с чего бы ему заблуждаться? Стало быть, он не заблуждался, но всё-таки “бил”! В то время как золотые яйца – не бьются. Потому-то и воспринимается нами в качестве закономерного результата следующее сообщение:

“Не разбил”.

<...>

Читаем дальше:

«Мышка бежала, хвостиком махнула –
Яичко упало и разбилось».

...Ми-ну-точ-ку! Что сделало яичко? Разбилось... В то время как золотые яйца не бьются!» [2, с. 167–169].

И, наконец, третий тип – читатель-сострадаватель, сочувствующий, идущий до конца авторского замысла. Он знает Наташу Ростову и князя Мышкина лучше, чем свою мать и отца. Он живёт в мире текста, позволяющего ему придать осмысленность бесконечному разнообразию вещей, которые произошли, произойдут или происходят в настоящем мире. Литературный текст сообщает форму, структуру хаосу его опыта и тем самым способствует делению и приумножению смыслов. «И для автора (адресанта), и для читателя (адресата) текст может выступать как самостоятельное интеллектуальное образование, играющее активную и независимую роль в диалоге. В этом отношении древняя метафора «беседовать с книгой» оказывается исполненной глубокого смысла» [3, с. 161]. Вот описание одного из образцов такого диалога с текстом:

«В “Страхе и трепете” – произведении, представляющем нам диалектико-лирическую интерпретацию Киркегором ветхозаветной истории о том, как “бог искушал Авраама” – условно можно выделить три основных коммуникативных плана, взаимодействующих между собой; они находятся в одной общей рамке повествования, которую можно было бы определить как нулевой коммуникативный план. Каждому из этих планов соответствует своя дистанция, своя скорость чтения и стратегия; по мере чтения читающий должен переходить из одного плана в другой, но не постепенно, а “скачками”. Так, чтобы, например, перейти из одного плана в другой, следует изменить скорость чтения, устранить (или увеличить) дистанцию по отношению к читаемому, овладеть новым видом движения, наконец, решить: читать ли дальше?» [5, с. 78–79].

Чтение здесь – со-бытие, когда быть значит общаться.

Как и в живом общении, я могу относиться к другому как к объекту своих устремлений, вступая с ним в манипулятивные, иерархические взаимоотношения (кто главнее, умнее, хитрее, добрее...) или в диалог. Но только в диалоге человек выходит на уровень «образцового» или «избранного» читателя. Он становится соавтором текста.

Всякий текст – «это ленивый механизм, требующий, чтобы читатель выполнял часть работы за него. Текст, в котором излагалось бы всё, что воспринимающему его человеку надлежит понять, обладал бы серьёзным недостатком – он был бы бесконечен» [7, с. 9]. Однако, образцовый текст вечен (бесконечен). А вечен он потому, что у него всегда находится читатель.

Чудо текста. Есть тексты, к которым мы возвращаемся в течение всей своей жизни. Они притягивают нас, вновь и вновь заставляя погружаться в мир «искусственного» бытия. Но, как и любая мания, такая привязанность начинается рано или поздно тяготить почитателя. У. Эко проделал большую аналитическую работу, чтобы понять этот феномен. Он разложил текст на его составляющие. Определил границы и время текста, его ритм и дыхание. Развёл понятия писателя, автора и рассказчика. Вывел неразлучную пару «образцового автора и образцового читателя», расписал правила игры для этих персонажей и способы отыскать автора текста. Он посвятил не одну лекцию правде и вымыслу в тексте, их разнообразным пропорциям, позволяющим придать осмысленность «хаосу человеческого опыта». Он сопоставил механизмы восприятия мира реального и мира вымышленного и установил практическую невозможность отличить одно от другого. «Сорок лет перечитывания одного и того же произведения показали мне, какие глупцы те, кто утверждает, что препарирование и дотошный анализ текста убивают его магию. Хотя я знаю “Сильвию” во всех её анатомических подробностях – возможно, *потому*, что я знаю её так хорошо, – всякий раз, снимая её с полки, я заново влюбляюсь в неё, словно читаю впервые» [7, с. 25–26]. Пристальное чтение литературного текста убеждает учёного, что мы нуждаемся в литературе именно потому, что она даёт нам очень комфортное ощущение существования в мире (сказочном лесу), где понятие истины бесспорно, тогда как реальный мир провоцирует гораздо более серьёзные сомнения. Мы чувствуем себя беспомощными, пытаемся постичь его логику и описать его лабиринтоподобную структуру в надежде, что правила игры существуют и в реальном мире, человечество изобрело и наделило бога “авторским правом”, передав ему ответственность за создание онтологической наррации, оставив себе веру в то, что божественное послание существует и у него есть смысл.

Мы обречены интерпретировать жизнь так, как если бы она являлась вымыслом, и в то же время читать литературное произведение, как если бы речь шла о реальном мире. Чудо текста пока не поддаётся логическому анализу.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Клюев, Е. Между двух стульев. – «Im Werden Verlag» [Электронный ресурс] : [Некоммерческое электрон. издание] / Е. Клюев, 2007. – Режим доступа: [imwerden.de >cat/modules.php?name=books...showbook...](http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books...showbook...) – Дата обращения: 12.01. 2011. – Загл. с экрана.
3. Лотман, Ю. М. Текст как семиотическая проблема [Текст] / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2002. – 768 с.

4. Ориген. О началах. Кн. 4. Одесская богословская семинария «О Началах»: «РА» На основе издания Казанской духовной академии 1899 г.; Самара, 1993. [Электронный ресурс] : [Электрон. книга] / Ориген. – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/599289.html>. – Дата обращения: 28.02.2011. – Загл. с экрана.
5. Подорога, В. А. Проблема «косвенного» общения (Опыт анализа произведения Киркегора «Страх и трепет») [Текст] / В. А. Подорога // Диалектика общения. – М. : Наука, 1987. – С. 78–110.
6. Чехов, А. П. Чайка [Электронный ресурс] : [HTML-версия документа от 12.02.2011] / А. П. Чехов. – Режим доступа: <http://www.teatral.org.ua/lib/Chehov/chajka.doc>. – Дата обращения: 01.03.2011. – Загл. с экрана.
7. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах [Текст] / У. Эко ; пер. с англ. А. Глебовской. – СПб. : Симпозиум, 2003. – 285 с.

TEXT IN THE COMMUNICATIVE PARADIGM

E. S. Nikitina

Institute of Linguistics RAS
Department of psycholinguistics

Treatment to another as a spiritual being – something new that carries the communicative paradigm in the analysis of social interactions. Text in the communicative paradigm is the subject. Multilayered and semiotically not uniform, it is able to enter into a dialogical relationship not only with other texts, but also with itself. The reader is a mediator in the creation of the text as a self-expanding logo.

Key words: *Text dialogical relationships polystructural feature of text the reader the author miracle*

Об авторах:

НИКИТИНА Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания Российской академии наук, e-mail: M1253076@narod.ru, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., дом 1, стр. 1.